

В военной лирике Дмитрия Мельникова можно найти немало вариаций на тему «солдат и смерть». Одна из самых известных — стихотворение «Напиши мне потом как живому письмо...» (журнал «Алтай», 2022, № 2). Оно моментально разошлось по соцсетям, в том числе и под названиями «Письмо» и «Мариуполь».

На этот текст Мельникова написано несколько песен, сделаны видеоклипы. «Письмо» ушло в народ, было прочитано. При этом оно стало раздражителем для многих коллег по цеху. Объясню одну из причин раздражения (оставив за скобками варианты как идеологического, так и стилистического неприятия).

До сих пор многие стихотворения Мельникова, которые доступны в Интернете, легко усваивались растущими и сформировавшимися организмами. То есть его интонации, стилистические ходы, приемы, поэтические образы легко присваивались коллегами. Так бывает, что участники литпроцесса увлекаются обнесением чужих грядок, полагая, что живущий на отшибе товарищ по цеху «не пасет поляну». Но на этот раз случился сбой: желающие чем-нибудь поживиться увидели в неоскудевающей руке дающего... не яблоко, а гранату с выдернутой чекой. Пользуйтесь, если сможете вставить чеку обратно. Автор пока подремлет...

Мельниковские лирические сюжеты лишь иногда напрямую отсылают к народной сказке «Солдат и Смерть». Например, в этом стихотворении.

Мне лес казался чёрною дырой,
под треск в печи я начинал второй
пузырь и хоронил своё веселье,
и медленно писал тебе письмо,
в котором всё шутить пытался, но
в меня уже вползла змея похмелья,
и тяжесть, и сердечная тоска.
Клубы и нити снежного песка
на лес летели. Я смотрел на лес.
Вдруг силуэт поднялся и исчез,
и снова промелькнул за снегопадом,
и канул за деревья в полутьму.
«Какого чёрта ему в роще надо?» —
подумал я и подошёл к окну.
Медведь огромный с головой косматой
на костыле шагал сквозь бурелом,
с неуставным подшитым рюкзаком
он был похож на старого солдата.
Мой острый взгляд почувствовав спиной,
он вдруг остановился, оглянулся,
и мне махнул тяжёлою рукой,
и закурил, и улыбнулся.
«Пишу тебе сказать, что я живой,
скачаю и люблю тебя, как прежде,
медведя встретил с третьей мировой,
поговорили о любви и смерти.
Поговорили с ним за нашу жизнь,
о мёртвых и о выживших немногих,

и дружно под конец на том сошлись,
что лучше жить, хотя бы и безногим.
И он пошёл к себе сквозь бурелом,
а я к соседу, чтобы ехать в город,
а снег кружил и падал день за днём,
кружил и падал мне за ворот».

Отметим намек на солдатский мешок, которому в народной сказке была отведена ответственная роль. Что там несет в «неустановленном рюкзаке» этот то ли медведь, то ли солдат, переживший третью мировую?

Кроме того, автор дает понять читателю, какое значение придает военным письмам «о любви и смерти».

Но Мельникова мало интересуют все эти «игры в наперсток» — хитрости, подвохи, подмены из народных сказок о солдате. В том числе и ловкая схема гарантированной отсрочки смерти. В его системе координат такие полумеры не рассматриваются. Мельникову важно собственно противостояние Солдата и Смерти. Он сосредоточен на мотивах преодоления, восхождения. Поэтический мир Мельникова ориентирован на пастернаковское: «Смерть можно будет побороть/Усильем Воскресенья».

Один из вариантов победы над смертью: «Нет больше той любви, аще кто положит душу свою за други своя».

На войне, где нету слёз
У меня был друг один,
Он меня из боя нёс
С ледяной дырой в груди.

И хрипел я: «Как же так!
Брось меня — вдвоём каюк!»
Но от крови весь обмяк
И оглох тогда мой друг.

Он принёс меня в медбат,
И под лампой в три свечи
Мне наставили заплат
Бесшабашные врачи.

И пока я там кряхтел
Среди раненых других,
Друг мой Коля, как умел,
Воевал за нас двоих.

И пока я там гулял
От кровати до двери,
Друг мой Коля в плен попал,
И его живём сожгли.

И от углей смрадный дым
Запаяли в гроб пустой,
И, как коршун, взвился с ним
В небо «семьдесят шестой».

И навеки отлетел
Дух его от той войны,
На которой, как умел,
Он погиб за честь страны.

На столе горит стакан,
А на нём — горбыль ржаной.
Где ты, Коля, сыт ли, пьян?
Что с тобою? Что со мной?..

Свет от звёзд горит темно
И не значит ничего.
Я почти что выжил, но
Нет друга моего.

Это стихотворение из первой книги Дмитрия Мельникова «Иди со мной» (2001).

Нынешний среднерифметический поэт приносит слова «смерти нет» (смерть в этот момент скалится и констатирует обратное, оценивая и мертворожденные стихи, и сумму духовных усилий оппонента) с такой же частотой, как студенты произносят «денег нет», «занятой не будет» или «Нищле умер».

А чем значительней поэт, тем серьезней он относится к главному противнику. Александр Леонтьев в стихотворении «Проводы» (посвященном Борису Рыжему) пишет: «Мы прощались под тёплое пиво: / Зимний Питер, Московский вокзал. / До сих пор это в памяти живо, / А особенно — как ты сказал, / Отвернувшись немного, сквозь зубы: / «Смерть — дерьмо». До сих пор / Я бездарно гадаю, к чему бы / Относился такой приговор. // То ли смерть незначительна, то ли / Столь огромна — до наоборот. / Если верить мне собственной боли / — а она никогда не соврёт, — / То второе. Но что-то в зазоре / Этой фразы простой / Мне мешает решиться на горе / С беспросветной его прямою».

Стихи о войне и смерти, по Мельникову, не приемлют никаких скоморошеских интонаций, хихиканий, подмигиваний, пританцовываний, кривляний, конвейерных «Окон РОСТА» и т. п.

После этих вводных можем, наконец, перечитать стихотворение о Мариуполе.

Напиши мне потом как живому письмо,
но про счастье пиши, не про горе.
Напиши мне о том, что ты видишь в окне
бесконечное синее море,

что по морю по синему лодка плывёт,
серебристым уловом богата,
что над ним распростерся космический флот —
снежно-белая русская вата.

Я ломал это время руками, как сталь,
целовал его в чёрные губы,
напиши про любовь, не пиши про печаль,
напиши, что я взял Мариуполь.

Напиши: «Я тебя никому не отдам,
милый мой, мы увидимся вскоре».
Я не умер, я сплю, и к моим сапогам
подступает Азовское море.

На первый взгляд, здесь сведен к минимуму мельниковский арсенал художественных средств. Автор готовит солдатскую «кашу из топора». Наполовину письмо состоит из того, что известно по эстрадным песням: «увидимся вскоре», «не кончается синее море», «любовь», «печаль», «счастье», «горе». (Таковы, собственно, письма в большинстве своем.) Ко всему прочему — неточная рифма: «письмо» — «окно». Но понимающий читатель не спрашивает: зачем это понадобилось? Он задается вопросом: как это все превратилось в музыку?

Остальная часть послания — это пожелание автора своему адресату: что именно надо увидеть в окне, какую выбрать точку обзора.

То есть расхожей лексикой присыпан основной посыл. Так в калатозовском фильме «Летят журавли» письмо героя спрятано в беличьей корзинке под «золотыми орешками». Оно сначала становится достоянием пошляков, а потом доходит до адресата.

Стихотворение Мельникова демонстрирует ту самую непринужденность лирического импульса, о которой когда-то писал Юрий Кублановский.

В первой строке («Напиши мне потом как живому письмо...») дается подсказка читателю. Смерть преодолена лирическим героем, иначе слова «как живому» были бы обрاملены запятыми.

Следует оценить и смысловую нагрузку слова «потом», и хромотопичность «Письма». Обратим внимание на «рифмовку» стихотворения Мельникова с фильмом Калатозова. Письмо Бориса написано до его отъезда на фронт, а получено Вероникой после его гибели. Героиня стихотворения Мельникова призвана написать письмо возлюбленному уже после его смерти и после взятия Мариуполя, но адресат видит во сне это послание, будучи живым, в начале сражения за город.

В книге «Иди со мной», вышедшей больше двадцати лет назад, есть стихотворение, которое можно считать первой пробой мельниковского «Письма» — для мирных времен.

Я всё вижу во сне, как ты вслух сочиняешь письмо
Или просто зовёшь меня звуком, которого нет,
Только музыка губ, — как в немом трагедийном кино,
И потоки огня, — как из окон Вермеера свет.

<...>

Я теперь в необъявленном мире, в чернильной
глуши,
Не живу — доживаю, почти не способный любить,
Так что ты забывай меня — право,
уж лучше забыть,
Чем до слёз огорчаться, узнав, что я всё-таки жив.

Тугие на ухо интерпретаторы «Письма» находили в нем отголоски известной песни на слова Ильи Кормильцева («Я ломал стекло, как шоколад в руке»). Разумеется, это полная чушь. И надо сказать о реальных, а не надуманных реминисценциях. «Я ломал это время руками, как сталь, / Целовал его в чёрные губы», — это, конечно же, отсылка к Мандельштаму: «Поэзия — плуг, взрывающий время так, что глубинные слои времени, его чернозём оказывается сверху» (статья «Слово и культура»).

К чему устремлен автор «Письма», ради чего ломается и взрывается время, о каких «чёрных губах» речь? Тут опять надо ориентироваться на указатели Мандельштама: «И вчерашнее солнце на чёрных носилках несут» (крымское стихотворение «Сёстры тяжесть и нежность...»); здесь же — «Время вспахано плугом...»). «Солнце на чёрных носилках» — это Пушкин. То есть Мельников и его лирический герой ломаются если не к «золотому веку» Екатерины, когда Мариуполь получил свое название, то к тем слоям времени, когда еще при жизни Пушкина, в 1835-м, был возведен маяк на Белосарайской косе (этот «при Александр Сергеевиче построенный маяк» упоминается в приазовском стихотворении Бориса Чичибабина). Да и вероятные детали краткого пребывания Пушкина в Приазовье (в период южной ссылки) не дают покоя исследователям.

То есть к лучшим временам Мариуполя, к подлинному времени (Кайросу) устремлены автор и лирический герой «Письма».

Мельниковское «Напиши мне потом...» перекликается с еще одним приазовским стихотворением Чичибабина: «Эти поздние сны не прими, ради Бога, за явь ты./Страшный суд подошёл, а про то, что и смерть не беда,/я стихи написал на песках мариупольской Ялты, — /море смыло слова, и уплыли они в никуда»...» «Я не умер, я сплю...» у Мельникова — «поздние сны», «смерть не беда» у Чичибабина.

В донбасском контексте самым близким к мельниковскому «Письму» видится стихотворение Владимира Яковлева (1952—2016): «Где-то под Ясиноватой/Ты проснёшься (может быть)/И, ни в чем не виноватый,/Будешь в тот же миг убит. // Ты потом очнёшься в поле./И тоска, как ржавый гвоздь,/Снова грудь твою проколет,/Прошибёт тебя насквозь. // Ты себя во сне увидишь/С мёртвым сыном на руках./Ты на свет из мрака выйдешь/И увидишь снова, как // Где-то под Ясиноватой/Вас накроет тот снаряд/И как в дымке синеватой/Ваши души воспарят. // Ни креста, ни звёзд, ни крика — /Стылых губ не разлепить./Будешь молча горе мыкать,/Боль глотать и слёзы пить. // Будешь каждый день, поддатый,/Горький дым зубами рвать./Будешь под Ясиноватой/Каждой ночью умирать».

У этих стихотворений Владимира Яковлева (написано в конце 2014-го) и Дмитрия Мельникова (начало 2022-го) есть общий литературный предшественник — «Сон» («В полдневный жар в долине Дагестана...») Лермонтова.

Набоков писал о композиционных особенностях лермонтовского «Сна»:

«Это замечательное сочинение... можно было бы назвать «Тройной сон».

Некто (Лермонтов, или, точнее, его лирический герой) видит во сне, будто он умирает в долине у восточных отрогов Кавказских гор. Это Сон 1, который снится Первому Лицу.

Смертельно раненному человеку (Второму Лицу) снится в свою очередь молодая женщина, сидящая на пиру в петербургском, не то московском особняке. Это Сон 2 внутри Сна 1.

Молодой женщине, сидящей на пиру, снится Второе Лицо (этот человек умирает в конце стихотворения), лежащее в долине далекого Дагестана. Это Сон 3 внутри Сна 2 внутри Сна 1, который, сделав замкнутую спираль, возвращает нас к начальной строфе».

Лермонтову оставалось несколько месяцев до июльского дня, когда сбудется это пророчество. Чаадаев к тому времени уже сформулировал: «Вы часто слышали, что сон есть образ смерти; мне кажется, что сон есть настоящая смерть, а то, что смертью называют, кто знает? — Может быть, оно-то и есть жизнь? — Мое я прерывается сном, смертью — нет».)

Кавказские горы у Лермонтова, донецкая степь у Яковлева, Азовское море у Мельникова: «И солнце жгло их жёлтые вершины/И жгло меня — но спал я мёртвым сном»; «Ты потом очнёшься в поле./И тоска, как ржавый гвоздь,/Снова грудь твою проколет»; «Я не умер, я сплю, и к моим сапогам/подступает Азовское море».

Эти военные «мертвые сны» (как и военные письма) схожи в разных столетиях, независимо от обстоятельств места. ■